

·thebigbook·

ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

СЁГУН

Санкт-Петербург

*Двум морякам,
капитанам Королевского военно-морского флота,
которые любили свои корабли больше, чем своих женщин,
как от них и ожидали*

Пролог

Ветер рвал его на части, у него все болело внутри, и он знал, что если они не пристанут в течение трех дней, то все умрут. «Слишком много смертей в этом плавании, — размышлял он. — Я предводитель мертвого флота. Из пяти остался один корабль, из его команды в сто семь человек — двадцать восемь, и только десять из них могут держаться на ногах, а остальные вместе с генерал-капитаном дышат на ладан. Нет пищи, почти нет воды, а та, что есть, солоноватая и грязная».

Его звали Джон Блэторн, и он был один на палубе, за исключением впередсмотрящего — немого Соломона, — съжившегося в укрытии смотровой площадки бушприта, откуда он оглядывал океан.

Корабль накренился от внезапного шквала, и Блэторн держался за поручень капитанского кресла, прикрепленного около штурвала на юте, пока судно не выправилось. Шпангоуты стонали. Судно водоизмещением двести шестьдесят тонн называлось «Эразм». Только этот трехмачтовый двадцатипушечный военно-торговый корабль из Роттердама и уцелел из всего состава первой экспедиции, посланной Нидерландами уничтожать врага в Новом Свете. То были первые голландские корабли, которые открыли для себя гайны Магелланова пролива. Четыреста девяносто шесть человек, все добровольцы. Все голландцы, за исключением трех англичан — двух капитанов и одного офицера. Они получили приказ грабить и жечь испанские и португальские поселения в Новом Свете, открывать новые острова в Тихом океане, чтобы заполучить постоянные базы и, заявив права Нидерландов на новые территории, через три года вернуться домой.

Протестантские Нидерланды воевали с католической Испанией более четырех десятилетий, боролись, чтобы сбросить ярмо ненавистных испанских хозяев. Нидерланды, иногда называемые Голландией, или Низкими Землями, официально все еще остава-

лись частью испанской империи. Англия, единственный их союзник, первой из стран западного христианского мира порвала с папским двором в Риме и стала протестантской свыше семидесяти лет назад; она также воевала с Испанией последние двадцать лет и открыто объединилась с Нидерландами еще десятью годами ранее.

Ветер посвежел, и судно вновь накренилось. Оно шло без основных парусов — с одними штормовыми топселями. И все-таки прилив и шторм быстро несли его вперед, к темнеющему горизонту.

«Там еще больше штормит, — сказал себе Блэкторн, — и больше рифов и мелей. И незнакомое море. Бог мой! Я всю жизнь сражался с морем и всегда побеждал. Я всегда побеждаю.

Я первый английский капитан, прошедший Магеллановым проливом. Да, первый — и первый капитан, когда-либо плывший через эти азиатские воды, не считая нескольких негодяев-португальцев или бродяг-испанцев, которые все еще думают, что владеют миром. Первый англичанин в этих морях...

Так много первых мест. Да. И каждое оплачено множеством жизней».

Вновь он принялся к ветру, чуть ли не пробуя его на вкус, но на близость земли не было даже намека. Джон осмотрел океан, уныло-серый и неприветливый. Ни пятнышка водорослей или цветных разводов, обнаруживающих присутствие песчаного шельфа. Он увидел верхушку рифа далеко по правому борту, но это ничего не значило. Вот уже месяц выходы скальной породы угрожали им, но ни разу за ними не было земли. «Этот океан бесконечен, — подумал он. — Боже всемогущий!» Но для этого его и обучали — прокладывать курс в неизвестном море, наносить это море на карту и находить путь домой. Сколько дней прошло с отплытия? Год, одиннадцать месяцев и два дня. Последняя высадка была в Чили, сто тридцать три дня назад, за океаном, который Магеллан пересек первым — восемьдесят лет назад — и назвал Тихим.

Блэкторн страдал от голода и цинги. Он напряг зрение, чтобы проверить курс по компасу, и в уме определил примерное положение корабля. Поскольку они следовали курсом, который был описан в руттере — морском журнале-лоции, судну ничего особенно не угрожало в этой части океана. И если оно вместе со своим капитаном было в безопасности, значит оставалась надежда найти Японские острова или даже легендарного христианского царя-священника пресвитера Иоанна и его Золотое царство, которое,

по преданиям, лежало к северу от Катая¹, где бы Катай ни находился.

«И со своей долей богатств я опять поплыву, уже на запад, домой, первый английский капитан, когда-либо обогнувший земной шар, и никогда больше не покину дома. Никогда. Клянусь головой моего сына!»

Порыв ветра прекратил его праздные мечтания и не дал заснуть. Спать сейчас было бы глупо. «Эдак можно уснуть вечным сном», — подумал он, потянулся, чтобы успокоить ноющую боль в спине, и поплотнее закутался в плащ. Джон отметил, что паруса в порядке и штурвал надежно закреплен, впередсмотрящий не спал. Тогда он уселся поудобнее и помолился о том, чтобы показалась земля.

— Спуститесь вниз, капитан. Я отстою вахту, если хотите. — Третий помощник Хендрик Спекс втащился вверх по ступеням, его лицо было серым от усталости, глаза ввалились, кожа в пятнах и болезненно-бледная. Он тяжело привалился к нактоузу, чтобы стать поустойчивее, — его мутило. — Благословенный Боже, будь проклят тот день, когда я оставил Голландию.

— Где первый помощник, Хендрик?

— В своей койке. Он не сможет выбраться из нее, похоже, до Судного дня.

— А... генерал-капитан?

— Клянчат жратву и воду. — Хендрик сплюнул. — Я сказал, что зажарю ему каплуна и принесу на серебряном блюде с бутылкой бренди.

— Придержи язык!

— Я придержу, капитан. Но ему это не поможет, да и мы, того и гляди, подохнем. — Молодой человек напрягся, его вырвало желчью. — Благословенный Боже, помоги мне!

— Спускайся! Вернешься на рассвете.

Но Хендрик с болезненной гримасой опустил в другое кресло:

— Там, внизу, воняет смертью. Я постою на вахте, если вы не возражаете. Какой курс?

— Куда потащит ветер.

— Где берег, который вы обещали? Где Японские острова, где, я вас спрашиваю?

¹ *Катай* (англ. Cathay) — название Северного Китая, употреблявшееся в средневековой Европе и получившее особенное распространение после путешествия Марко Поло. — *Здесь и далее примеч. ред., кроме особо оговоренных.*

— Вперед.

— Всегда впереди. Черт побери! Этого нам не приказывали — плыть в неизвестность. Мне бы следовало уже вернуться домой, сытым, целым и невредимым, а не гнаться за огнями святого Эльма.

— Спускайся вниз или заткнись.

Хендрик угрюмо отвел взгляд от высокого бородача. «Где мы теперь? — хотел он спросить. — Почему я не могу заглянуть в секретный руттер?» Но он знал, что не задаст вопросов капитану, особенно этого. «Сейчас, — подумал он, — больше всего я хотел бы быть таким же сильным и здоровым, каким был, когда покидал Голландию. Тогда бы я не ждал. Я бы вырвал твои голубые глаза, погасил твою высокомерную ухмылку и отправил тебя в преисподнюю, где тебе самое место. Потом я бы сам стал и капитаном, и штурманом, и тогда корабль вел бы голландец, а не чужак и все секреты остались бы при нас. Ибо вскоре мы вступим в войну с вами, англичанами. Мы хотим одного и того же — командовать на море, контролировать все морские пути, управлять Новым Светом и удушить Испанию».

— Может быть, и нет никаких Японских островов, — произнес внезапно Хендрик, — одни легенды.

— Они существуют на самом деле. Между тридцатым и сороковым градусом северной широты. Теперь придержи свой язык или спускайся вниз.

— Там, внизу, смерть, капитан, — пробормотал Хендрик и стал смотреть вперед, отдавшись безотчетным раздумьям.

Блэкторн заворочался в кресле — его тело сегодня болело сильнее. «Ты удачливее остальных, — подумал он, — удачливее, чем Хендрик. Нет, не удачливее. Предусмотрительнее. Ты придержал до поры фрукты, когда другие беззаботно поедали их вопреки твоим предупреждениям. Так что твоя цинга все еще в умеренной стадии, в то время как остальных мучают кровотечения, понос, у них болят и гноятся глаза, а зубы или выпали, или шатаются. Почему люди ничему не учатся?»

Он знал, что бояться его все, даже генерал-капитан, а большинство ненавидит. Но это было нормально, так как в море командует капитан — это он определяет курс и управляет кораблем, это он ведет его из порта в порт.

Любое путешествие таит в себе опасности, ибо многие навигационные карты зачастую непонятны, а порой и бесполезны. И не существует надежных способов определения долготы.

— Придумай, как определять долготу, и ты станешь самым богатым человеком в мире, — говорил его старый учитель Альбан Карадок. — Королева, благослови ее Господь, пожалует тебе десять тысяч фунтов и титул герцога, если ты решишь эту задачу. Говноеды-португальцы дадут тебе золотой галион¹. И безродные испанцы дадут двадцать! Не видя земли, ты заблудишься, парень. Не видя земли, ты всегда будешь сбиваться с курса. — Карадок сделал паузу и печально покачал головой. — Ты заблудишься, парень, если не...

— Если у тебя нет руттера! — радостно крикнул Блэкторн, зная, что хорошо выучил свои уроки. Тогда ему стукнуло тринадцать и он уже год состоял в учениках у Альбана Карадока, штурмана и корабеля, заменившего ему потерянного отца. Карадок никогда не прибегал к рукоприкладству, обучая его и других мальчишек секретам судостроения и жизни в море.

Руттер представлял собой маленькую книжицу, которая содержала детальные наблюдения мореплавателя, побывавшего в описываемых местах. Туда заносили курс по магнитному компасу между портами и мысами, стоянки и проливы. Отмечали глубины, цвет воды и природу морского дна. Указывали, как попасть в то или иное место и как оттуда выбраться — сколько дней идти каким курсом; какие где дуют ветры; когда наступает время штормов и время попутных ветров; где килевать корабль (осматривать, ремонтировать, очищать от ракушек и водорослей его днище) и где брать воду; где встретишь друзей, а где — врагов. А также течения, мели, рифы, высоту приливов, гавани — в общем, все необходимое для безопасного плавания.

Англичане, голландцы и французы имели описания своих вод, но воды остального мира посещались только капитанами из Португалии и Испании, и эти две страны держали все свои руттеры в секрете. Руттеры, которые описывали путь в Новый Свет или давали ключ к загадкам Магелланова пролива и мыса Доброй Надежды, открытых португальцами, а значит, и к морским путям в Азию, охранялись португальцами и испанцами, как национальные сокровища, и поэтому за руттерами с одинаковым упорством охотились их враги — англичане и голландцы.

Но корабельный журнал был хорош настолько, насколько хорош был капитан, который его составил, переписчик, который его переписывал, очень редко — печатник, который его печатал, или

¹ *Золотой галион* — один из кораблей, перевозивших сокровища Нового Света в Европу.

ученый, который его переводил. Следовательно, журнал мог содержать ошибки. И даже умышленно вводить в заблуждение. Капитан никогда не знал этого наверняка. По крайней мере, до тех пор, пока сам хотя бы однажды не попадал в описываемые руттером места.

В море лишь капитан властвовал над кораблем и его командой, вершил суд и расправу. Один он командовал с юта.

«Это как крепкое вино, — сказал себе Блэкторн. — Однажды попробовав, никогда уже не забудешь, станешь искать, томиться жаждой. Это одна из тех вещей, которые сохраняют тебе жизнь, когда другие уже умерли».

Он встал и помочился в шпигат¹. Позднее, когда в часах на нактузе высыпался весь песок, перевернул их и отбил склянки.

— Ты выстоишь вахту, не уснешь, Хендрик?

— Да. Думаю, не усну.

— Я пошлю кого-нибудь, чтобы сменил впередсмотрящего. Гляди: он стоит на ветру, а не в укрытии. Это не дает ему задремать.

На мгновение Блэкторн задумался, не должен ли он повернуть корабль против ветра и лечь в дрейф на ночь, и, решив, что нет, спустился по трапу, соединяющему палубы, открыл дверь на баке. Другой трап вел оттуда в кубрик, устроенный во всю ширину корабля, он вмещал лавки и подвесные койки для ста двадцати человек. Тепло окутало Блэкторна, и он, радуясь этому, не ощутил даже зловония трюмных вод, идущего снизу. Ни один из двадцати с лишним человек не двинулся на своей койке.

— Поднимайся наверх, Матсюккер, — сказал он на смешанном жаргоне, на котором говорят в Нидерландах. Джон владел им в совершенстве, так же как португальским, испанским и латынью.

— Я умираю, — простонал маленький, остролицый человек, съезживаясь в своей койке. — Я болен. Посмотрите, цинга оставила меня без единого зуба. Господи Иисусе, помоги нам, мы все погибнем! Если бы не вы, мы бы все сейчас были дома, в безопасности. Я купец. Я не моряк. Я не из вашей команды... Поднимите кого-нибудь другого. Там Йохан... — Он плакал, когда Блэкторн вытащил его из койки и пихнул в сторону двери. Кровь выступила у Матсюккера изо рта, он был оглушен. Жестокий удар в бок вывел его из ступора.

— Ты высунешь свою морду на палубу и останешься там, пока не помрешь, если только мы не достигнем берега раньше.

Бедолага открыл дверь и с трудом вышел.

¹ *Шпигаты* — отверстия в бортах судна для стока воды. — *Примеч. перев.*

Блэкторн посмотрел на остальных, а они — на него.

— Как ты себя чувствуешь, Йохан?

— Достаточно хорошо, капитан. Может быть, выживу.

Йохан Винк, сорока трех лет, был главным канониром и помощником старшего боцмана, самым старым на борту. Лысый и беззубый, он цветом кожи и крепостью сравнялся со старым дубом. Шесть лет назад Винк ходил с Блэкторном в плавание на поиски Северо-Восточного прохода¹, не увенчавшиеся успехом, и оба знали, кто чего стоит.

— В твоём возрасте большинство людей уже умирает, а ты держишься лучше всех нас. — Блэкторну было тридцать шесть.

Винк грустно улыбнулся:

— Это все бренди да бабы и вообще праведная жизнь, которую я вел.

Никто не засмеялся. Потом кто-то указал на койку:

— Капитан, умер старший боцман.

— Так поднимите тело наверх! Обмойте его и закройте глаза! Ты, ты и ты!

На этот раз люди быстро выбрались из своих коек и все вместе то ли выволокли, то ли вынесли труп из кубрика.

— Отстоишь рассветную вахту у штурвала, Винк, а ты, Гинсель, — на носу впередсмотрящим.

— Да, капитан.

Блэкторн вышел на палубу.

Он увидел, что Хендрик бодрствует, так что на корабле все в порядке. Сменившийся впередсмотрящий Соломон проковылял мимо него, скорее мертвый, чем живой, его глаза вспухли и покраснели от режущего ветра. Блэкторн подошел к другой двери и спустился вниз. Коридор привел его в большую каюту на корме, которая служила апартаментами генерал-капитана и пороховым погребом. Его собственная каюта располагалась по правому борту, другая, рядом, ближе к пушечным портам, обычно предназначалась для трех помощников капитана. В настоящее время в ней жили Баккус ван Некк, главный купец, Хендрик, третий помощник, и юнга Крок. Все они были больны.

¹ Стремление напрямую торговать с Индией и странами Восточной Азииставляло европейцев искать морские пути между Атлантическим и Тихим океаном, проходящие вдоль северных берегов Европы и Азии (Северо-Восточный проход) или через моря и проливы Канадского Арктического архипелага (Северо-Западный проход).

Блэкторн вошел в большую каюту. Генерал-капитан Паулюс Спилберген лежал на койке в полубессознательном состоянии. Невысокий, краснолицый, прежде очень толстый, он порядком исхудал, кожа на животе вяло свисала складками. Блэкторн достал флягу с водой из потайного ящика и дал генерал-капитану напиться.

— Спасибо, — слабо сказал Спилберген. — Где земля, где земля?

— Впереди, — ответил капитан, сам не веря себе, и убрал флягу. Он не стал слушать стенаний генерал-капитана, а вышел, возненавидев его с новой силой...

Почти ровно год назад они достигли Огненной Земли, ветры благоприятствовали плаванию через неизвестный Магелланов пролив. Но генерал-капитан приказал высадиться на берег — искать золото и драгоценности.

— Ради бога, генерал-капитан, поглядите на берег! В этих пустынных местах нет сокровищ!

— Легенда гласит, что здешние края богаты золотом, и мы можем объявить их владениями славных Нидерландов.

— Здесь уже побывала тьма испанцев пятьдесят лет назад.

— Может быть, но они не забирались так далеко к югу, капитан.

— Так далеко к югу времена года меняются местами. В мае, июне, июле и августе здесь стоит зима. Руттер говорит, что сейчас самое время пройти пролив: через несколько недель ветры изменятся, и тогда мы застрянем здесь на зиму — на несколько месяцев.

— Через сколько недель, капитан?

— Руттер говорит, через восемь. Но сезон на сезон не приходится.

— Тогда мы поищем сокровища пару недель. Останется еще масса времени, и потом, если понадобится, мы повернем опять на север и разграбим несколько городов, а, господа?

— Мы должны попытаться сейчас, генерал-капитан. В Тихом океане у испанцев мало военных кораблей. А здешние воды кишат ими, и они ищут нас. Я считаю, мы должны отплыть сегодня же.

Но генерал-капитан заткнул ему рот, заручившись поддержкой других капитанов (один из них был англичанин, а трое — голландцы), и совершил бесполезную вылазку на берег.

В тот год ветры переменялись рано и обрекли экспедицию на вынужденную зимовку; плыть к северу генерал-капитан побоялся из-за испанских кораблей. Прошло четыре месяца, прежде чем суда смогли отплыть. К тому времени сто пятьдесят шесть человек

умерли от голода, холода и кровавого поноса, они съели всю кожу со снастей. Ужасные шторма в проливе раскидали флотилию. «Эразм» оказался единственным кораблем, который прибыл к месту условленной встречи в Чили. Они ждали остальных месяцев, а потом, преследуемые испанцами, поплыли в неизвестность. Секретный руттер кончался на Чили.

Блэкторн прошел обратно по коридору в собственную каюту и запер за собой дверь. Каютка была маленькая и опрятная, но бимсы — поперечные балки, тянувшиеся от борта до борта, — проходили так низко, что ему пришлось пригнуться, чтобы подобраться к столу. Он отпер ящик и аккуратно развернул сверток с остатками яблок, которые так бережно хранил тайком весь путь от острова Санта-Мария в Чили. Они были мятые и маленькие, с гнилыми боками. Он съел четвертинку плода. Внутри скрывалось несколько мелких личинок. Он сжевал их вместе с яблочной мякотью, вспомнив старое морское поверье, будто яблочные черви лечат от цинги не хуже фруктов и, будучи втерты в десны, предохраняют зубы от выпадения. Блэкторн жевал осторожно — зубы болели, и рыхлые, нарывающие десны были очень чувствительны, — потом выпил воды из винного меха, отвратительной на вкус. Остаток яблока он завернул и запер обратно в ящик.

Крыса пересекла круг света от масляной лампы, висящей над его головой. Шпангоуты приятно поскрипывали. По полу шныряли тараканы.

«Я устал. Так устал...»

Он взглянул на длинную узкую койку. Соломенный тюфяк звал прилечь.

«Поспи часок, — шептал ему дьявол. — Даже десять минут — и ты отдохнешь за неделю. Последние дни ты спишь всего по несколько часов, большей частью наверху, в холоде. Ты должен спать. Спи! Они надеются на тебя...»

— Я не могу. Я посплю завтра, — сказал он вслух и заставил себя отпереть рундук и вынуть оттуда свой руттер. Убедился, что другой, португальский, в безопасности, не тронут, и это обрадовало его. Блэкторн взял чистое перо и начал писать:

21 апреля 1600 года. Пятый час. Сумерки. 133-й день от момента отплытия с острова Санта-Мария в Чили, на 32-м градусе северной широты. Волна все еще высокая, ветер сильный, и корабль идет под теми же парусами. Цвет моря блеклый, серо-зеленый, дна

не видно. Мы все еще идем по ветру курсом 270 градусов, склоняясь к северо-северо-западу, двигаясь быстро, около двух лиг, по три мили в час. Большие рифы в форме треугольников были видны полчаса на расстоянии в половину лиги к северо-востоку и северу.

Ночью три человека умерли от цинги: парусный мастер Йорис, канонир Рейсс, второй помощник де Хаан. Поскольку генерал-капитан все еще болен, мне пришлось распорядиться, чтобы, поручив души этих несчастных Господу, их опустили в море без саванов — шить некому.

Сегодня умер старший боцман Рийклофф.

В полдень я не мог определить склонение по солнцу, и опять из-за облаков. Но я предполагаю, что мы все еще не сбились с курса и земля — Японские острова — появится скоро...

— Но как скоро? — спросил он фонарь, который покачивался над головой. — Как сделать карту? Должен быть курс, — сказал он себе в миллионный раз. — Как определить долготу? Должен быть способ. Как сохранить свежесть овощей? Что такое цинга?..

— Говорят, парень, эту напасть приносит море, — наставлял его в свое время Альбан Карадок, добродушный, с большим брюхом и спутанной седой бородой.

— Но, может быть, варить овощи и сохранять их в виде супа?

— Плохая идея. Никто еще не нашел способа сохранять отвар.

— Ходят слухи, что скоро отплывает Фрэнсис Дрейк.

— Нет, ты не сможешь отправиться с ним, парень.

— Мне почти четырнадцать. Вы позволили Тиму и Уатту записаться к нему, и ему нужен ученик штурмана.

— Им по шестнадцать. Тебе же только тринадцать.

— Говорят, что он собирается пройти Магеллановым проливом, потом плыть на север вдоль берега к неисследованным землям — до Калифорнии, чтобы найти Анианский пролив¹, который соединяет Тихий и Атлантический океаны. Из Калифорнии все пути ведут к Ньюфаундленду, Северо-Западному проходу, наконец...

— Предполагаемому Северо-Западному проходу. Никто еще не доказал, что это не просто легенда.

— Он докажет. Он уже адмирал, и мы будем первыми английскими мореплавателями, прошедшими Магелланов пролив, пер-

¹ Так в эпоху Великих географических открытий называли пролив, предположительно отделяющий Азию от Северной Америки.

вами в Тихом океане, — мне никогда не выпадет другого такого шанса.

— О да, но он никогда не пройдет секретным маршрутом Магеллана, если только не выкрадет руттер или не захватит португальского штурмана, чтобы тот провел его. Сколько раз говорить тебе: твое ремесло требует терпения. Научись терпению, парень.

— Ну пожалуйста!

— Нет!

— Почему?

— Потому что он проплавает два-три года, может быть, и больше. Слабые и молодые будут получать самую плохую пищу и меньше всех воды. Из пяти вышедших кораблей только его судно вернется обратно. Ты не выживешь, парень.

— Тогда я запишусь на его судно. Я сильный. Он возьмет меня!

— Слушай меня, парень, я был с Дрейком на его пятидесятитонной «Юдифи» в Сан-Хуан-де-Улуа, когда он и адмирал Хокинс — на «Миньоне» — пробивались из гавани через заслон, поставленный этими говноедями-испанцами. Мы сбывали рабов из Гвинеи в испанский Мейн¹, но у нас не было испанской лицензии на торговлю, и они обманули Хокинса — поймали нашу флотилию в ловушку. У них было тринадцать больших кораблей, у нас — шесть. Мы потопили три испанские посудины, а они пустили ко дну наши «Ласточку», «Ангела», «Каравеллу» и «Иисуса из Любека». О да! Дрейк с боем вызволил нас из ловушки и привел домой. Если говорить честно, на борту оставалось одиннадцать человек. У Хокинса — пятнадцать. Из четырехсот восьмидесяти матросов. Дрейк безжалостен, парень. Он хочет славы и золота, но только для себя, и слишком много людей умерло, доказывая это.

— Но я не умру, я буду одним из...

— Нет, ты отдан в ученичество до двадцати лет. Мы подождем еще десять лет, и тогда ты будешь свободен. Но до того момента, до тысяча пятьсот восемьдесят восьмого года, ты будешь учиться, как строить корабли и как управлять ими. Ты будешь слушаться Альбана Карадока, мастера-корабеля, штурмана и члена Тринити-Хаус², или никогда не получишь лицензию. А без лицензии тебе никогда не стать капитаном ни одного английского корабля в анг-

¹ *Мейн* — старое английское название испанских владений на северном побережье Южной Америки.

² *Тринити-Хаус* — маячно-лоцманская корпорация Великобритании; в течение нескольких веков пользуется особыми правами и привилегиями.

лийских водах, ты никогда не будешь командовать на юте ни в каких водах, потому что таков закон доброго короля Гарри, упокой, Господи, его душу. Был еще закон этой великой блудницы Марии Тюдор — пусть она вечно горит в аду! — но это закон королевы, и пусть он правит в веках, это закон Англии и это лучший из морских законов, который когда-либо был принят.

Блэкторн помнил, как ненавидел тогда своего наставника и Тринити-Хаус, монополию, созданную Генрихом VIII в 1514 году для обучения штурманов и мастеров-корабелов и выдачи им лицензий, ненавидел двенадцать лет полурабства, которые одни, как он знал, открывали дорогу к единственно желанной цели. И он возненавидел Альбана Карадока еще больше, когда, покрыв себя немеркнущей славой, Дрейк и его стотонный шлюп «Золотая лань» чудесным образом вернулись в Англию после трехлетнего отсутствия. Это был первый английский корабль, совершивший кругосветное путешествие. Он доставил к английским берегам самый богатый груз награбленных сокровищ — невероятные полтора миллиона фунтов стерлингов золотом, серебром, пряностями, серебряной и золотой посудой.

То, что в походе погибли четыре из пяти кораблей, восемь из каждых десяти моряков, что Тим и Уатт сгнули, а экспедицию Дрейка провел через Магелланов пролив в Тихий океан захваченный в плен португальский штурман, не успокоило ненависть. То, что Дрейк повесил одного из своих офицеров, отлучил от Церкви капеллана Флетчера и не смог найти Северо-Западный проход, не уменьшило народного восхищения. Королева оставила Дрейку половину привезенных сокровищ и удостоила его рыцарского звания. Джентри — мелкопоместные дворяне — и купцы, которые финансировали экспедицию, получили триста процентов прибыли и молили взять у них денег на следующее пиратское предприятие. И все моряки мечтали плыть с ним, потому что он много награбил и со своей долей добычи вернулся домой, а немногие выжившие счастливичики обеспечили себя до конца жизни.

«Я бы тоже выжил, — сказал себе Блэкторн. — Я бы выжил. И моя доля сокровищ была бы достаточна, чтобы...»

— Риф впереди!

Он сначала почувствовал, а потом услышал крик. И вновь сквозь рев бури донесся пронзительный вопль.

Блэкторн выскочил из каюты и помчался по трапу на ют. Сердце его колотилось, горло пересохло. Была уже темная ночь, лил дождь, и он возликовал: сделанные много недель назад парусино-